

О. С. Муравьева

«ТАВРИЧЕСКИЕ ВОЛНЫ» В ПОЭЗИИ ПУШКИНА

Круг возможных источников поэтического образа морских волн поистине неисчерпаем, а контекст его изучения безграничен¹. В поэзии Пушкина слово «волна» употребляется как в прямом, предметном, так и в переносном, метафорическом смысле, уже закрепленном в языке. (В Академическом словаре русского языка все переносные значения слова «волна» и образованных от него слов перечисляются в восьми колонках текста. Слово «волна» активно продуцирует различные метафоры). На фоне этого обычного словоупотребления выделяется особенный «образ волн», сформированный именно под влиянием крымских впечатлений поэта. Этот вывод делается очевидным при сопоставлении «южных» произведений с ранними текстами, созданными до того, как Пушкин впервые увидел море.

«Волны» и «валы седые», которые в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1815) шумят вокруг Кагульского памятника, стоящего, как известно, в центре Большого пруда, и «ропот волн» на том же пруду из стихотворения «Любовь одна — веселье жизни хладной...» (1816) столь же абстрактны, как и «плещущие волны» в «Кольне» (1814), и «бурные волны» в «Наполеоне на Эльбе» (1815). Сравнение: «Как волны следом за волною, / Проходят царства и века»² из стихотворения «Усы» (1816) является традиционным литературным образом, не оживленным какой-либо индивидуальной, авторской интонацией.

¹ См.: *Топоров В. Н.* О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // *История культуры и поэтика.* М., 1994. С. 11–53.

² *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1937. Т. 1. С. 178. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

Но начиная с 1820 г., когда Пушкин увидел, услышал, осязал реальные волны Черного моря, морские волны прочно связываются у него с представлением о наслаждении. «Мне моря сладкий шум милее»; «И сладостно шумят полуденные волны»; «Где весело шумят и блещут воды, / И мирные ласкают берега» (Земля и море, 1820 — II, 162; «Редает облаков летучая гряда...», 1820 — II, 157; «Кто видел край, где роскошью природы», 1821 — II, 190). В кругу этих образов слово «волнение» в стихотворении «В. Ф. Раевскому» (1822): «И сладостно мне было жарких дум / Уединенное волнение» (II, 256) обнажает свою внутреннюю связь со словом «волна». В стихотворении «Нереида» (1820) первая строка: «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду» (II, 156) — маркирует эротический характер лирического сюжета. Хотя здесь нет никаких лобзаний — герой, боясь «дохнуть», лишь тайно любит обнаженную полубогиней — эти волны, лобзающие Тавриду, выдают его скрытые желанья и сами приобретают чувственный, эротический оттенок. Строка из «Тавриды» (1822): «Пью жадно воздух сладострастья» (II, 256), увязанная в тексте с образом вод, «ласкающих» берега, закрепляет за таврическими волнами этот семантический ореол.

Совершенно очевидно, что он провоцируется и конкретным биографическим сюжетом. Свидания поэта с возлюбленной, предположительно с Елизаветой Воронцовой, происходили в гроте, на берегу моря: «Приют любви, он вечно полн / Прохлады сумрачной и влажной, / Там никогда стесненных волн / Не умолкает шум протяжный» (II, 472). В стихотворении «Ненастный день потух...» (1824) поэт воображает, как «по горе теперь идет она / К брегам, потопленным шумящими волнами» (II, 348). Может быть, наиболее ярко ассоциативная связь между прикосновениями волн и любовными ласками раскрывается в лирическом отступлении в первой главе «Евгения Онегина»: «Как я завидовал волнам, / Бегущим бурной чередою / С любовью лечь к ее ногам! / Как я желал тогда с волнами / Коснуться милых ног устами» — и далее, завершаясь: «Нет, никогда порыв страстей / Так не терзал души моей!» (VI, 19). Пушкин не использует здесь обычную языковую метафору «волна страсти», но она, как скрытая сжатая пружина, медленно распрямляется внутри текста,

сообщая ему необычайную, концентрированную энергию, выплескивающуюся в последнем признании.

Пребывание Пушкина в Крыму, хронологически непродолжительное, было столь богато впечатлениями, что в дальнейшем юг, Крым, море, волею судьбы оказавшиеся для поэта недоступными, становятся для него местом постоянного мысленного паломничества. Хотя таврические волны, естественно, теперь гораздо реже плещутся в его стихах, память о них порой отзывается в близких им образах. Например, волшебная волна из «Сказки о царе Салтане» (1830), которая спасает плывущих в бочке по морю царицу с ребенком.

В мифе о Персее и Андромеде, лежащем, как отмечено В. Я. Проппом, в основе аналогичных сказочных коллизий, Даная, заточенная в ларе с сыном, обращается к морю: «Пусть смолкнет море, пусть уйдет страшная опасность», — и ветер выносит ларь на берег¹. «Волна» — вольная, могучая и вместе с тем добрая и нежная, привнесена в этот сюжет Пушкиным как дань воспоминаниям о теплых, ласковых волнах Черного моря. В работе Д. Н. Медриша «Речь и молчание в сказках Пушкина» отмечено, что обращение Гвидона к волне выражено в форме заговора, который начинается величанием, а кончается заклинанием². Эта совершенно естественная для сказки связь с фольклором в нашем сюжете имеет особое значение, ибо она знаменует новый этап в развитии «морских метафор» пушкинской поэзии.

В литературе Нового времени, свободно заимствующей темы, сюжеты, образы и метафоры из различных источников, образ моря становится знаком, маркирующим мироощущение лирического героя. Пушкинская «свободная стихия» или «вольное распутье волн», конечно, чисто романтические образы. В стихотворении «Кто волны, вас остановил...» (1823) проводится прямая аналогия между бурей на море и бурей в душе, причем буря оценивается безусловно позитивно. «Поток мятежный» символизирует полноту жизни — это «надежда, скорбь и радость», а «пруд безмолвный» — это «дремота лени» (II, 288). «Заманчивые волны» из стихотворения «Завидую тебе,

¹ См.: Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 237–238.

² См.: Медриш Д. Н. Речь и молчание в сказках Пушкина // Русская речь. 1992. № 5. С. 100.

питодец моря смелый...» (1823) тоже манят героя в бурную стихию, в простор «свободного океана». Но со временем оценка, условно выражаясь, «штиля» и «бури» в пушкинской поэзии меняется на прямо противоположную.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» (1833) степень волнения моря определяется степенью недовольства стихии и нарастающей угрозы. «Буря» здесь — это «черная буря», и волны здесь «сердитые». Эти образы увязываются с фольклорными представлениями о море как знаке иного, потустороннего мира, и о волнении моря как знаке угрозы. Например, в тексте «Слова о полку Игореве», символика которого тесно связана с фольклорной, «море» встречается 12 раз, но только дважды означает собственно море, в остальных случаях — это символ чужой земли. В частности, движение вражеского, половецкого войска сравнивается с ветрами, которые дуют с моря³. В «Медном всаднике» (1833) речь идет, разумеется, не о морских, а о невских волнах, но вызваны они бурей на море. Поэтому «злые», «разъяренные», «жадные» волны, набросившиеся на город, построенный на море, «на берегу пустынных волн», могут быть поставлены в один ряд с другими пушкинскими волнами. «Грядущего волнуемое море» в элегии «Безумных лет угасшее веселье...» (1830) уже не манит и не обещает свободу, но «сулит <...> труд и горе» (III, 228). набросок, предположительно относящийся к 1830-м годам, противопоставление бури и покоя резюмирует в форме пословицы: «Воды глубокие плавно текут, / Люди премудрые тихо живут» (III, 471). В неоконченном стихотворении 1834 г. новая по сравнению с прежними стихотворениями символика раскрывается со всей определенностью.

Я возмужал [среди] печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
[Теперь утих] [дремотою минутной]
И отразил небесную лазурь.

(III, 329)

³ См.: Шелемова А. О. «...Черная туча съ моря идуть...»: К вопросу о поэтической образности «Слова о полку Игореве» // Морской вектор в судьбах России: История, философия, культура. IV Крымские пушкинские чтения. 12–17 сентября 1994 г. Симферополь, 1994. С. 66–67.

Бури мутят поток жизни, лишь тихие, спокойные воды могут отразить небесную лазурь, лишь умиротворенный человек может постичь божественную красоту и мудрость. Показательно, что «дремота», презрительно отвергаемая в стихотворении десятилетней давности «Кто, волны, вас остановил...», здесь становится условием и знаком душевного просветления. Эти образы по смыслу близки к библейским метафорам, где буря и волны выступают как символы негативно оцениваемых явлений. Например: «Но да просит с верою, нимало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой» (Иак 1: 6); «Он превращает бурю в тишину, и волны умолкают» (Пс 106: 29); «А нечистивые — как море взволнованное, которое не может успокоиться и которого воды выбрасывают ил и грязь» (Ис 57: 20); «И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится» (Лк 21: 25); «укрощающий шум морей, шум волн их и мятеж народов!» (Пс 64: 8); «за то, так говорит Господь Бог: вот, Я — на тебя, Тир, и подниму на тебя многие народы, как море поднимает волны свои» (Иез 26: 3); «Объяли меня волны смерти, и потоки беззакония устрашили меня» (2 Цар 22: 5).

Применительно к Библии правильнее, наверное, говорить не о метафорах, а об архетипах, связь с которыми обнаруживается в поэтических текстах разных времен и народов. Творчество Пушкина в этом отношении не является исключением, но заслуживает внимания постепенное приближение поэта к библейской образности, которое прослеживается на примере развития отдельного мотива. В пушкинской поэзии, как заметил в свое время В. А. Кошелев, особенное значение имеет образ «шумящего моря»⁴. Вспомним «грустный шум» в элегии «К морю» (1826), и «шум печальный / Волны, плеснувшей в берег дальный» («Что в имени тебе моем?..», 1830 — III, 210), и, разумеется, финальный образ в «Отрывках из путешествия Онегина»: «Все молчит; / Лишь море Черное шумит...» (VI, 205). Но с годами шум волн, как ропот мятежного духа, постепенно смолкает, уступая место плавному течению потока дней умудренного и уставшего человека. Тем самым естественно завершается сюжет о «волнах» у Пушкина.

⁴ См.: Кошелев В. А. «Лишь море Черное шумит...»: (Морская финальность в структуре «Евгения Онегина») // Морской вектор в судьбах России. С. 11–12.